

ISSN 2310-6085 (Online)

ISSN 1818-1198 (Print)

ФОНД РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Конфликтология

Том 13 (4), 2018

ISSN 2310-6085 (Online)
ISSN 1818-1198 (Print)

CONFLICTOLOGY DEVELOPMENT FUND

Quarterly Scientific and Practical Journal

Konfliktologia

Tome 13 (4), 2018

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 13 № 4, 2018

Журнал зарегистрирован в ВАК, в научной электронной библиотеке РИНЦ,
в Международном реестре научно-информационных материалов CrossRef,
DOI: 10.31312/2310-6085-2018-13-4

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ:
Свидетельство ПИ № ФС77-21410 от 22 июня 2005 г.
Свидетельство Эл. № ФС77-58529 от 04 июля 2014 г. (Online)

ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Стребков, Санкт-Петербургский гос. университет, Российская Федерация

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Даур Абгаджав, Санкт-Петербургский гос. университет, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Коротаев, Фонд развития конфликтологии, Российская Федерация,
Дмитрий Прокудин, Санкт-Петербургский гос. университет, Российская Федерация,
Нонна Балицкая, Российская Федерация

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Евгений Степанов, президент Международной ассоциации конфликтологов, президент журнала «Конфликтология», Институт социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: step42@mail.ru

Хосеп Бертран, Университет Помпеу Фабра, MTPSINSPAIN по вопросам организационной поддержки проектов международного сотрудничества, Барселона, Испания. E-mail: jbertran@ono.com

Андрей Возьмитель, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: Vozmitel@isras.ru

Юрий Головин, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация. E-mail: yagolovin@rambler.ru

Сергей Дудник, Санкт-Петербургский гос. университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: dean@philosophy.ru

Елена Иванова, Санкт-Петербургский гос. университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: Elenaiv1@mail.ru

Екатерина Наумова, Санкт-Петербургский гос. университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: naumova11@inbox.ru

Васил Проданов, Болгарская Академия наук, София, Болгария. E-mail: vkprodanov@gmail.com

Анатолий Самарин, Московский государственный институт международных отношений (университет МИД России), Российская академия естественных наук, Всемирная Академия наук комплексной безопасности (ВАНКБ), Москва, Российская Федерация. E-mail: ansam@line.ru

Лидия Тимофеева, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская академия политических наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: timofeeva@pochtamt.ru

Электронная почта Ученого секретаря: editor.conflictology@gmail.com
Информация о журнале размещена по адресу: <http://conflictology.ru/index.php/conflict>

KONFLIKTOLOGIA
QUARTERLY SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
Tome 13 No. 4, 2018

The journal is registered with the Higher Attestation Commission,
the Russian Scientific Citation Index,
CrossRef Methadata Search, DOI: 10.31312/2310-6085-2018-13-4

Mass media registration: Certificate ПИ № ФС77-21410, June 22, 2005,
Certificate Эл. № ФС77-58529, July 4, 2014 (Online)

ALL THE SUBMITTED ARTICLES ARE SUBJECT TO PEER-REVIEW AND SELECTION BY EXPERTS

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander Strebkov, Saint Petersburg State University, Russian Federation

EDITORIAL ASSISTENT

Daur Abgadhava, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dmitriy Korotaev, Conflictology Development Fund, Saint Petersburg, Russian Federation

Dmitriy Prokudin, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Nonna Balitskaya, Saint Petersburg, Russian Federation

ADVISORY BOARD

Evgeny Stepanov, president of the International Association of Conflictologists, president of the journal *Konfliktologia*, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: step42@mail.ru

Josep Bertrand, Pompeu Fabra University, MTPSINSPAIN on organizational support for international cooperation projects, Barcelona, Spain. E-mail: jbertran@ono.com

Andrey Vozmitel, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: Vozmitel@isras.ru

Yuri Golovin, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation. E-mail: yagolovin@rambler.ru

Sergey Dudnik, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: dean@philosophy.pu.ru

Elena Ivanova, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: Elenaiv1@mail.ru

Ekaterina Naumova, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation. E mail: naumova11@inbox.ru

Vasil Prodanov, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: vkprodanov@gmail.com

Anatoly Samarín, Moscow State Institute of International Relations (University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia), Russian Academy of Natural Sciences, World Academy of Complex Security Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: ansam@line.ru

Lydia Timofeeva, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Academy of Political Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: timofeeva@pochtamt.ru

Содержание

**В. А. Артюхина, В. В. Нагайцев, Е. В. Пустовалова,
А. Н. Шрайбер** (Барнаул)

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНФЛИКТОЛОГИИ. 9

А. Н. Гирнык (Киев, Украина)

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКСПЕРТА-КОНФЛИКТОЛОГА. 22

З. Плашиенкова (Братислава, Словакия),
Т. В. Ковалева (Санкт-Петербург)

КОНФЛИКТ ВЗГЛЯДОВ НА ИДЕЮ ГУМАНИЗМА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИОЭТИКИ И ФИЛОСОФИИ БИОЛОГИИ. 35

Т. Ю. Барташевич, Е. А. Овчинникова (Санкт-Петербург)

СТАТУС ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ. 52

**Г. Г. Газимагомедов, А. В. Макарин,
А. И. Стребков** (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. 65

Е. И. Наумова, Е. Н. Иванова, И. С. Лысенко (Санкт-Петербург)

ПРОЕКТНЫЙ ГРАД: МЕНЕДЖЕР КАК МЕДИАТОР. 85

Г. Е. Боков (Санкт-Петербург)

РЕЛИГИЯ И НАУКА: КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ?
(ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ). 97

В. Ю. Перов, В. М. Михайлова (Санкт-Петербург) ХАБЕРМАС: ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ РЕАБИЛИТАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ.....	111
С. Г. Коленько, Е. Ю. Машукова (Санкт-Петербург) КОНФЛИКТ ЦЕЛЕЙ И РЕЗУЛЬТАТА: АНТИТЕЗЫ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА В ПРИМЕНЕНИИ К СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.....	130
Информаци для авторов.....	149

Contents

V. A. Artiukhina, V. V. Nagaitsev, E. V. Pustovalova, A. N. Shrayber (Barnaul)	
THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN CONFLICT STUDY.....	9
A. N. Girnyk (Kiev, Ukraine)	
COMMUNICATIVE ASPECTS OF EXPERT-CONFLICTOLOGIST'S PRACTICE.....	22
Z. Plashienkova (Bratislava, Slovakia), T. V. Kovaleva (St. Petersburg)	
CONFLICT THEORIES OF HUMANISM FROM THE VIEWPOINT OF BIOETHICS AND PHILOSOPHY OF BIOLOGY.....	35
T. Y. Bartashevich, E. A. Ovchinnikova (St. Petersburg)	
STATUS OF ETHICAL EXPERTISE IN PUBLIC MORALITY DOMAIN.....	52
G. G. Gazimagomedov, A. V. Makarin, A. I. Strebkov (St. Petersburg)	
STATE AND CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: THEORETICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF INTERACTION.....	65
E. I. Naumova, E. N. Ivanova, I. S. Lysenko (St. Petersburg)	
PROJECTIVE CITY: MANAGER AS MEDIATOR.....	85
G. E. Bokov (St. Petersburg)	
RELIGION AND SCIENCE: CONFLICT OR DIALOGUE? (STUDY OF WORLDVIEWS AND SOCIAL CONTRADICTIONS IN RUSSIAN SOCIETY).....	97

V. Y. Perov, V. M. Mikhailova (St. Petersburg)
HABERMAS: DISCOURSE ETHICS AS A WAY TO REHABILITATE
THE PUBLIC SPHERE..... 111

S. G. Kolenko, E. Yu. Mashukova (St. Petersburg)
CONFLICT OF GOALS AND RESULTS: ANTITHESIS OF VASILY ROSANOV
IN APPLICATION TO MODERN EDUCATION..... 130

Information for Authors..... 157

DOI: 10.31312/2310-6085-2018-13-4-111-129

УДК 172.1

ХАБЕРМАС: ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СПОСОБ РЕАБИЛИТАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

В. Ю. Перов, В. М. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург 199034,
Российская Федерация

Аннотация: Согласно Юргену Хабермасу, с конца XIX века государство все более вмешивалось в публичную сферу, лишая ее возможности формировать независимое общественное мнение и размывая ее границы. С размыванием контуров публичной сферы была ослаблена вовлеченность людей в решении социальных проблем, а моральные принципы заменились принципами экономической целесообразности или научной доказуемости. При этом характерные для современного общества разрыв с традициями, уменьшение роли религии, кризис ценностей, индивидуализация и мультикультурализация привели к необходимости выработать совместное представление о желаемом направлении развития нового общества. Таким образом, причин для повторного открытия публичной сферы только прибавилось. В статье рассмотрена концепция Ю. Хабермаса, в которой в качестве способа реабилитировать публичную сферу предложен этический дискурс. В этическом дискурсе необремененные целенаправленным государственным или иным влиянием заинтересованные люди на равных позициях из беспристрастной перспективы и следуя принципам моральной аргументации ведут обсуждение социально значимых вопросов. Представители научных кругов сформулировали ряд вопросов и критических замечаний к концепции Хабермаса. Так, были поставлены вопросы о мотивации людей принимать участие в этическом дискурсе и вести себя морально, о месте проведения этического дискурса, о процедуре принятия решений и силе этих решений и т.д. Критический анализ концепции Хабермаса приводит к выводу о ее идеалистичности. В качестве альтернатив концепции этического дискурса в статье приведены две другие концепции. Автор первой из них, Апостолис Папакостас, допускает участие государства в формировании публичной сферы, а авторы второй альтернативной концепции, Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцел, движущей силой модернизации публичной сферы считают социально-экономическое развитие. Однако при более внимательном рассмотрении обе концепции так же не в состоянии дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, как обеспечить реабилитацию публичной сферы.

Ключевые слова: этика, ценности, публичная сфера, коммуникативное действие, этический дискурс.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018; принята к публикации 17.12.2018.

HABERMAS: DISCOURSE ETHICS AS A WAY TO REHABILITATE THE PUBLIC SPHERE

V. Yu. Perov, V. M. Mikhailova

St. Petersburg State University (SPbU), Mendeleevskaya Line, 5, St. Petersburg 199034,
Russian Federation

Abstract: According to Jurgen Habermas, since the end of the 19th century the government had been increasingly interfering in the public sphere, depriving it of the opportunity to form an independent opinion and eroding its borders. With the erosion of public sphere contours, the involvement of people in solving social problems was weakened, and moral principles were replaced by the principles of economic feasibility or scientific provability. Withal, the break with tradition, the diminishing role of religion, the crisis of values, individualism and multiculturalism, which all are typical of modern society, have led us to the need to create the shared vision of the new society development. Thus, there are more reasons for the re-opening of the public sphere. The article considers the concept of Jurgen Habermas, in which discourse ethic is offered as a way to rehabilitate the public sphere. In discourse ethic, people are not burdened with government or other influence, and discuss socially important issues from equal positions and impartial perspectives, following the principles of moral reasoning. A number of critical remarks on Habermas' concept is formulated. Critics are interested in questions about motivating people to take part in discourse ethic and behave morally, in question about the discourse ethic location, about the making decisions procedure and the strength of these decisions. A critical analysis of Habermas' concept leads to the conclusion that the one is idealistic. The article presents two other concepts as alternatives to the discourse ethic concept. Apostolis Papakostas, the author of the first one, allows the government to participate in the public sphere formation. Ronald Inglehart and Christian Welzel, the authors of the other one, consider social and economic development to be the driving force in the public sphere modernization. However, on closer examination, both concepts are also not able to give an exhaustive answer to the question of how to ensure the public sphere rehabilitation.

Keywords: ethics, values, public sphere, communicative action, discourse ethic.

Received November 20, 2018; in final form, December 17, 2018.

Введение. Изучение состояния публичной сферы и поиск методов ее «оптимизации» становятся актуальными уже с конца XX века. Многие обращались к данной проблематике, предлагая свое видение ситуации: Х. Арндт, А. Папакостас, З. Бауман, Н. Луман, М. Кастельс, Н. Больц, Р. Сэннет, Р. Инглхарт и другие. Концепция публичной сферы Хабермаса, в основу которой положено понятие этического дискурса, несмотря на свой солидный возраст, продолжает быть актуальной и активно обсуждаемой. Она сформировала

основу для множества споров об особенностях публичной сферы, ее функциях и границах. Идеи Юргена Хабермаса нашли свое развитие в трудах современников, например, Т. Лукмана и П. Бергера, а также Э. Гидденс [1, с.170].

Цель данной работы — рассмотреть и проанализировать концепцию Юргена Хабермаса, которая предлагает свое представление о современном состоянии публичной сферы и методах ее «реабилитации». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) описать генезис и современное состояние публичной сферы в хабермасовском представлении; 2) определить причины, по которым публичную сферу необходимо «реабилитировать»; 3) рассмотреть концепцию Хабермаса, направленную на «повторное открытие» публичной сферы; 4) провести критический анализ концепции.

Для достижения поставленной цели используются следующие методы исследования: описание, обобщение, сравнение, анализ и синтез, дедукция и индукция, классификация, аксиоматизация, моделирование, гипотетический метод. В ходе работы использованы как труды самого Ю. Хабермаса, так и книги видных мыслителей, а также периодическая литература.

1. Генезис и современное состояние публичной сферы. На первый взгляд представляется, что под публичной сферой Хабермас понимает пространство, в котором граждане обсуждают важные для них вопросы и посредством которого они могут влиять на решение актуальных проблем. Однако это не совсем корректное определение, что станет ясно из параграфа статьи, посвященного критике концепции.

Хабермас полагает, что если мы поймем структуру и логику возникновения публичности, то сможем лучше понять и ее современное состояние. Поэтому для прояснения идей философа рассмотрим вкратце историю возникновения и развития публичной сферы. Ее истоки зародились в середине XVII века с появлением первых газет и журналов, а позже — с возникновением салонов и кофеен, где присутствующие, в независимости от экономического положения и принадлежности «ко двору», имели равную возможность высказаться [2, с. 88–89].

В полном смысле развитая публичная сфера возникла только в XVIII–XIX веках, когда она отделилась от государства с приходом либерализованного рынка [2, с. 131–132]. Постепенно социально-экономические условия позволили публичной сфере распространиться с узкого круга образованных собственников и на менее экономически сильных граждан [2, с. 141–142].

Однако в конце XIX века государство серьезно вмешалось в публичную сферу и тем самым разрушило ее основу — разделение государства

и общества. Между государством и публичной сферой «и как бы «из них» вырастает реполитизированная социальная сфера, где уже нельзя отличить публичное от частного» [2, с. 209–212].

Публичность теперь — не место для обсуждения социально значимых вопросов: «публичность становится сегодня плацдармом для социальных сил, проникающих во внутреннее пространство малой семьи через культурно-потребительскую публичную сферу СМИ» [2, с. 231]. СМИ служат экономической и политической рекламе. «Гласность как бы разворачивается сверху, чтобы придать определенным позициям ауру good will» [2, с. 250].

Публичная сфера перестает выполнять свою изначальную функцию — легитимацию государственной власти и ее решений. И если не говорить об искусственной, манипулятивной легитимации с помощью СМИ, то иная легитимация приходит со стороны науки, вера в силу которой особенно окрепла в XX веке.

В век технократии одним из последствий онаучивания жизни, согласно Хабермасу, является исчезновению моральности как основы межчеловеческих отношений [3, с. 296]. В этот век ценности складываются на основе рыночных отношений и, вместо того, чтобы задавать необходимый моральный тон коммуникации, сами опираются на нее [3, с. 377].

Итак, контуры публичной сферы размываются: теперь она проникает во все новые сферы общества и одновременно теряет свои изначальные функции [2, с. 247]. С размытием контуров публичной сферы утрачивается ее сплачивающая сила, ослабляется вовлеченность людей в решении социальных проблем, моральные принципы заменяются принципами экономической целесообразности или научной доказуемости.

2. Повторное открытие публичной сферы. Ответов на вопрос о том, для чего необходимо реабилитировать публичную сферу, на самом деле несколько. Некоторые из них становятся ясны при ближайшем рассмотрении проблемы, другие менее очевидны.

Юрген Хабермас считает, что государства могут отвечать принципам либерального правового государства лишь тогда, когда «всерьез воспринимают заповедь о необходимости политически действующей публичной сферы» [3, с. 27]. Таким образом, первый ответ состоит в том, что публичная сфера нужна как условие для реализации принципов либерального правового государства.

Однако если взглянуть в проблему, окажется, что публичная сфера необходима в целом — для решения многих актуальных проблем. Современные условия наталкивают человечество на новые, глобальные проблемы:

возрастающая пропасть между богатыми и бедными, ухудшающаяся экологическая обстановка, международный терроризм и угроза ядерной войны, масштабные экономические кризисы, проблемы мультикультурного сосуществования в условиях усиливающейся миграции и многие другие. Чтобы решить перечисленные проблемы, недостаточно единовластных решений глав ведущих мировых держав — необходим масштабный диалог. Хотя речь идет не только о глобальных вызовах. Можно привести много примеров, когда требующие совместных решений задачи возникают в рамках государства, региона, местных сообществ. Отраслевые и профессиональные сферы также сталкиваются с необходимостью выработки совместных решений и совместного применения усилий [4]. Таким образом, второй ответ состоит в том, что публичная сфера нужна для выработки и претворения в жизнь решений актуальных социально значимых проблем.

Однако есть и третий ответ, пожалуй, наиболее важный. В XX веке произошли масштабные социальные трансформации: разрыв с традициями, ослабление роли религии, кризис ценностей, индивидуализация и мультикультурализация общества. Это привело к нечеткости или даже отсутствию общих представлений о желаемом мире, размытию разделяемых всем обществом целей. Чтобы выйти из кризисного состояния, нужно, прежде всего, понять, в какую сторону идти. Актуальные проблемы, как правило, решаемы, но выбор конкретного решения должен быть основан на общих представлениях о том, что хорошо и желательно для общества, на общих нравственных ценностях. В противном случае сложится ситуация, похожая на ту, что описана в басне Крылова «Лебедь, рак и щука». Таким образом, наиболее фундаментальной причиной, по которой необходимо повторно открывать публичную сферу, является необходимость выработки совместного представления о направлении развития общества и о желаемом состоянии общества как цели его развития.

Сегодня даже неспециалисты говорят о гражданской пассивности, апатичности, разобщенности и безразличии людей к социальным проблемам. Метафора Ханса-Георга Гадамера «неспособность к разговору» хорошо иллюстрирует сложившееся состояние публичной сферы, где общественный диалог противопоставляется монологу или полилогу [5, с. 41].

С одной стороны, пассивных граждан можно обвинить в чрезмерном интересе к потреблению, развлечениям и озабоченностью реализацией собственных проектов. С другой стороны, можно обвинить корпорации и государства, которые бывают не заинтересованы в активной позиции граждан. Те, кто не принимает участия в решении социально значимых вопросов, часто не верят, что их голос будет услышан.

Публичная сфера может стать местом, где голоса будут услышаны. Действующая публичная сфера нужна не только, чтобы рефлексировать социальную реальность и оценивать властные решения, но и для того, чтобы совместно формулировать общие моральные нормы и желательные перспективы развития, а также чтобы синхронизировать общие усилия.

3. Этический дискурс как основа для повторного открытия публичной сферы. Итак, возникла проблема повторного открытия публичной сферы в новых условиях. В качестве решения Хабермас предлагает этический дискурс.

Дискурс — довольно сложное понятие. Изначально оно определяется как рассуждение, однако в работах Хабермаса приобретает новые коннотации и обозначает некую способность современной общественности «обсуждать, рефлексировать, реконструировать, критиковать предпосылки социального бытия» [6, с. 523].

В решениях, достигаемых в ходе этического дискурса, выражается общая воля участвующих относительно желаемых моральных норм и путей решения актуальных социальных проблем. Поэтому недостаточно, чтобы человек в индивидуальном порядке раздумывал над приемлемостью того или иного решения. Также представляется недостаточным, если бы все самостоятельно предавались таким раздумьям, чтобы потом проголосовать за то или иное решение. Согласно Хабермасу, необходима «реальная» дискуссия, в которой все заинтересованные лица смогли бы принять участие.

Чтобы согласия, принятые в ходе этического дискурса, могли выражать общую волю участвующих, Хабермас вводит два необходимых принципа. Для формулировки первого принципа философ обращается к категорическому императиву Канта, который подчеркивает неличностный или всеобщий характер действенных моральных предписаний [7, с. 100]. Первый принцип должен «установить, что в качестве действенных принимаются только те нормы, которые выражают всеобщую волю: они должны, как вновь и вновь утверждает Кант, годиться для «всеобщего закона». Хабермас не заимствует полностью идею кантовского категорического императива, он предлагает переформулировать ее: «Вместо того чтобы предписывать всем остальным в качестве обязательной некую максиму, которую я хотел бы сделать всеобщим законом, я должен предложить свою максиму всем остальным для дискурсивной проверки ее притязания на универсальность. Акцент при этом перемещается с того, что каждый (в отдельности) может, не встречая возражений, желать в качестве всеобщего закона, на то, что все, в согласии друг другом, желают признать в качестве универсальной нормы» [7, с. 106–107].

Введенный принцип Хабермас называет принципом универсализации (U). Он является необходимым, но недостаточным условием для принятия моральных норм. Поэтому Хабермас вводит дополнительный принцип D, согласно которому «та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [7, с. 104].

Для того, чтобы принципы U и D были реализованы, участнику этического дискурса нужно учитывать не столько свои интересы, сколько интересы всех участвующих в дискурсе, а значит — абстрагироваться от своей позиции и как бы стать на позиции третьего лица. Таким образом, чтобы достигнуть беспристрастной перспективы, необходимо «порвать со всеми само собой разумеющимися данностями привычной конкретной нравственности» [8, с. 23].

Предполагается, что принятые в процессе этического дискурса решения должны быть максимально приближенными к истинности. Здесь важно отметить, что следует отличать истинность суждений естественных наук от истинности моральных суждений. Так, дескриптивные суждения естественных наук указывают на то, как обстоят дела в мире, а моральные суждения — на то, что и как нам следует делать [9, с. 103]. Если в естественных науках истинность доказывается методами формальной логики, то для доказательства истинности (или, скорее, правильности) моральных суждений такие методы не подходят — необходимы прагматические правила моральной аргументации. Аргументативная форма дискуссии должна способствовать независимости суждений от различных влияний и формированию автономной воли. Таким образом, правила дискурса имеют нормативное содержание: «они нейтрализуют властный дисбаланс и заботятся о соблюдении равных возможностей для осуществления собственных интересов каждого участника» [7, с. 113].

Хабермас приводит ряд правил моральной аргументации, среди которых — четыре важнейшие: «а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; в) мысли участников не должны расходиться с их словами; г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждения более весомых оснований» [9, с. 115].

Конечно, так как дискурсы несовершенны, правила моральной аргументации можно соблюсти лишь в достаточном приближении [7, с. 143].

Требование о вовлечении в этический дискурс всех заинтересованных лиц нагалькивается на проблему невиданного ранее культурного плюрализма. Религиозный, этнический, политический плюрализм приводят к тому, что в одном социальном пространстве сосуществуют разные и зачастую противоречивые нормы и ценности.

Хабермас подчеркивает, что в существующих условиях вовлечение в этический дискурс обозначает не включение в ряды своих и отграничение от других. Оно означает, что «границы общности оказываются открыты для всех — в том числе и для тех, кто чужд друг другу и хочет таковым оставаться» [9, с. 48]. Предварительный консенсус, обеспеченный культурной однородностью, оказывается не нужен, так как «демократически структурированное формирование общественного мнения и политической воли способствует достижению разумного нормативного согласия также и среди чуждых друг другу людей» [9, с. 243]. То есть, если не существует общей, заданной традиционными основаниями, морали для всех участников этического дискурса, то они должны совместно договориться об общих моральных нормах [9, с. 82].

Таким образом, в этическом дискурсе необремененные целенаправленным государственным или иным влиянием заинтересованные люди на равных позициях из беспристрастной перспективы и следуя принципам моральной аргументации ведут обсуждение социально значимых вопросов. При этом должны быть приняты только те решения, которые будут удовлетворительны для каждого, кого они касаются. Кроме того, как справедливо отмечает В. Ю. Перов, «важным является и то обстоятельство, что и организация такого дискурса не может быть произведена извне, она в буквальном смысле должна быть делом каждого» [4].

Этический дискурс должен обеспечить такую интегративную силу солидарности, чтобы «коммуникация в качестве производительной силы» превзошла по «силе власти» два других ресурса управления — деньги и административную власть, которые плотно связаны в современном мире [2, с. 32]. Так как этический дискурс Хабермаса, наподобие прежней буржуазной публичной сферы, должен разворачиваться свободно от государственного либо иного контроля, концепция Хабермаса получила название модели «противоинститутов».

Можно сказать, что Хабермас пытается актуализировать классический проект философии (который, по мнению автора, не только не исчерпал себя, но даже не был реализован), где главная роль в достижении единства людей отводилась разуму, а также внести в теорию модерна моральную составляющую, чтобы устранить дисбаланс современной коммуникации, более

апеллирующей к науке и рынку и основанной на целерациональных и инструментальных действиях [3, с. 289].

4. Критика теории Хабермаса. Этика дискурса получила широкий резонанс в научных кругах, представители которых сформулировали ряд вопросов и критических замечаний к концепции. Однако прежде чем переходить к критике, сначала хотелось бы отметить важную роль посредника между оригинальными текстами и теми текстами, которые мы читаем на русском языке, а именно — роль переводчика.

Как пишет Г. Б. Юдин, «Хабермасу в принципе не слишком везет с русскими переводчиками: многие вышедшие сборники его статей вызывают у русскоязычного читателя подозрение, что немецкий философ завоевал себе славу умением никогда не формулировать идеи ясно и ни одну мысль не доводить до логического завершения. К сожалению, перевод «Структурного изменения» этого опасения не развеет» [10, с. 128].

Особенное недоумение при чтении книги «Структурное изменение публичной сферы» вызывает термин «резонерство». В данной статье мы избежали его употребления, однако в тексте книги он встречается довольно часто и представляется, что возможность резонерствовать — неотъемлемая характеристика публичной сферы.

Если уточнить значение термина, то можно узнать, что под резонерством понимаются длинные и нравоучительные рассуждения [11, с. 674], а в психиатрии — один из видов нарушений мышления, характеризующийся чрезмерной потребностью в «самовыражении», неадекватностью выбора объекта рассуждательства, несоответствием этого объекта способам доказательств и рассуждений, недостаточной самокритичностью [12, с. 291]. На самом деле перевести слово «*Räsonnement*» можно просто как рассуждение или как близкое кантианскому духу «использование разума» [10, с. 129].

Человеку, не знающему немецкого языка, остается только догадываться, какие еще тонкости перевода повлияли на восприятие переведенных текстов Хабермаса. И действительно, из-за особенностей перевода возникли серьезные смысловые искажения, которые привели не только к некорректному пониманию идей Хабермаса, но и к возникновению несправедливой критики в адрес его концепции.

Итак, обратимся к тем аспектам концепции Хабермаса, которые вызвали наибольшее количество вопросов и критических замечаний.

4.1. Мотивация участвовать в этическом дискурсе и быть моральным. Как мотивировать людей на участие в этическом дискурсе, если «люди стали настолько ценить свое благополучие, что согласны платить за него любую цену, вплоть до отказа от свободы» [6, с. 519]? В ситуации, когда люди заняты реализацией личных проектов, склонны игнорировать политику и не верят во влияние их мнения, нужна мощная мотивация для того, чтобы они обратились к публичной сфере. Кроме того, нет уверенности в том, что государства или крупные частные корпорации поддержат модель «противоинститутов» или даже не станут препятствовать ее реализации.

Дж. Дьюи под разговором (а не под этическим дискурсом, как у Хабермаса) имеет ввиду и возможность возникновения эмоциональной привязанности между собеседниками, что увеличивает не только мотивацию участвовать в коммуникации, но и связующее воздействие результатов коммуникации. Хабермас лишает свою концепцию таких возможностей, ограничивая дискурс рациональной аргументативностью и формальной этикой [13, с. 268].

Относительно вопроса об этичном поведении Хабермас занимает позицию сомневающегося: «В самом деле, если мы знаем, как в данном случае будет правильно поступить в моральном отношении, мы знаем и то, что нет веских — эпистемических — оснований поступить иначе. Это, однако, не мешает тому, чтобы другие мотивы могли все же оказаться сильнее» [9, с. 102].

В качестве изначальной характеристики публичной сферы должна стать ее свобода от государственного или иного контроля. Однако не совсем ясно, какая инстанция будет обеспечивать равенство участвующих и этичность поведения в дискурсе. И здесь, как замечает Б.В.Марков, критики Хабермаса были отчасти правы, «указывая, что коммуникация не может удерживаться сама собой и требует силовой поддержки» [3, с. 349].

4.2. Место истины в дискурсе. Концепция Хабермаса предполагает, что участники дискурса в условиях равенства с помощью рациональных аргументов смогут прийти к такому результату, который будет стремиться к истинности. И здесь возникает два вопроса. Во-первых, не является ли разум в понимании Хабермаса близким к разуму в понимании Канта и Гегеля и тогда — чрезмерно идеалистичным? Во-вторых, есть ли такие законы и порядки, которые бы могли считаться истинными с учетом множественности культур и религий? Б. В. Марков пишет в этом отношении: «На самом деле дискурс на место одних императивов предлагает другие, полагая, что «все разумные люди» смогут прийти в отношении их к консенсусу. Но каковы критерии

разумности, не сводятся ли они снова к европоцентристскому пониманию разума»? [6, с. 527]

Но в книге «Моральное сознание и коммуникативное действие» Хабермас прямо указывает: «Перед лицом очевидных антропологических данных мы должны признать, что моральный кодекс, излагаемый в кантовских теориях морали, является только одним среди многих» [7, с. 123]. Хабермас считает, что уже во второй половине XX века наследие западного рационализма не имеет бесспорного значения [14, с. 149].

Что касается истины, то Хабермас пишет, что Гегель еще мог верить в то, что в его концепциях истина истории содержится как бы в очищенном виде, однако «сегодня истины же рассеяны по многим универсумам дискурсов, они больше не поддаются иерархизации, но в каждом из этих дискурсов мы упорно ищем прозрений, которые могли бы убедить всех» [15, с. 81].

Таким образом, упрек Юргену Хабермасу в европоцентризме нельзя считать справедливым. А замечание о том, что его идеи по-кантовски идеалистичны, верно лишь частично.

4.3. Расположение публичной сферы в пространстве. К модели «противоинститутов» возникли и практические вопросы. Где будет разворачиваться этический дискурс в реальности? Хабермас пишет: «Ожидание разумных результатов, обоснованное теорией дискурса, опирается в большей степени на гармоничное сочетание институционального формирования политической воли со спонтанными незаадминистрированными потоками коммуникации. В этом смысле публичная сфера является неорганизованной» [2, с. 32]. Таким образом, вопрос о локализации пространства публичной сферы остается без четкого ответа.

В попытке ответить на этот вопрос британский политолог Дж. Кин предлагает вспомнить о возможностях Интернета, приводя в качестве аргумента то, что Интернет свободен от государственного либо иного контроля [5, с. 47–48]. Однако свобода Интернета сомнительна: выходят законы, регулирующие деятельность в Сети, а комментарии на различных форумах и в социальных сетях продаются и покупаются. При этом сама природа Интернета не позволяет ему стать благоприятной средой для повторного открытия публичной сферы. Во-первых, Интернет сегментирован на группы по интересам и одновременно не привязан ни к какой географической локации. Во-вторых, множество мнений в нем возникают одновременно, и не обязательно, что рациональное аргументированное мнение получит отклик или даже будет замечено. В-третьих,

анонимность Интернета и возможность в любое время покинуть диалог являются почвой для безответственности.

Возможно, что ответа на вопрос о расположении публичной сферы в социальном пространстве не требуется, так как данное критическое замечание возникло из-за тонкостей перевода термина «публичная сфера». Русский перевод не вполне верен — он является дословным переводом английского словосочетания «public sphere», который так же не вполне корректно переводит немецкий термин «Öffentlichkeit» [16, с. 54]. Слово «Öffentlichkeit» происходит от прилагательного «offen» — открытый. И Хабермас под публичностью имеет в виду нечто, открытое для общественного обсуждения в противоположность частному, закрытому. В английском языке к данному понятию пристегивается дополнительная смысловая нагрузка в виде слова «sphere», обозначающего пространство. Таким образом, публичная сфера стала пониматься не как совокупность коммуникативных действий, а как некоторое пространство, в которых коммуникативные действия происходят [16, с. 54–55].

4.4. Решения в ходе этического дискурса. Будет ли в ходе этического дискурса сделан какой-либо вывод или принято конкретное решение? Если да, кто принимает решение? Если решение все же принято, какую силу оно имеет и на что влияет? Если на эти вопросы не дать ответа, то представляется, что этический дискурс не имеет существенного практического значения.

Хабермас указывает, что главное в этическом дискурсе — не решение, а сам процесс обсуждения. Результаты основываются на взаимодействии социальных институтов и спонтанно возникших потоков коммуникации общестственности. Узловые пункты коммуникативной сети образуют свободные ассоциации, которые «специализируются на производстве и распространении практических убеждений». Данные ассоциации напрямую не связаны с властными институтами, а имеют лишь косвенное влияние тем, что способствуют масштабному изменению ценностей и установок [17, с. 72–73].

Неофициально оформленное общественное мнение трансформируется в институционализированные (например, в виде выборов) решения и в законодательные постановления. Таким образом, «коммуникативно созданная власть трансформируется во власть, административно применяемую» [9, с. 396]. Хотя само общественное мнение, сформированное в ходе этического дискурса, не в состоянии осуществлять власть, оно может направлять власть административную в определенном направлении [9, с. 398].

4.5. Другая критика концепции Юргена Хабермаса. Выше были перечислены не все критические замечания в сторону концепции Хабермаса. Так, теоретики постколониализма указывали на то, что обратной стороной буржуазной публичной сферы является не только классовое, но и колониальное господство, а представители феминизма обращали внимание на исключение женщин. Некоторые считали, что публичная сфера была не одна: у пролетариата была своя публичная сфера, которая складывалась и функционировала отдельно от буржуазной.

Да и к прототипу этического дискурса — буржуазной публичной сфере — у критиков нашлись вопросы: историки внимательно изучили генезис публичной сферы и пришли к выводу, что буржуазный диалог был далеко не таким эгалитарным, каким он представлен в работах Хабермаса [10, с.127].

Ограниченность объема данной работы не позволяет провести исчерпывающее рассмотрение критики концепции Хабермаса. Пожалуй, уже написанного будет достаточно, чтобы сложилось определенное понимание вопроса.

5. Альтернативы концепции Юргена Хабермаса. Если, по мнению критиков, концепция Юргена Хабермаса не слишком убедительна и жизнеспособна, то какие концепции лишены ее недостатков и способны стать более достойной альтернативой для реформирования публичной сферы?

Одно из критических замечаний заключалось в сомнении, что этический дискурс сможет осуществляться без государственного контроля. И альтернативной концепцией станет такая, которая изначально предполагает государственный контроль. Автор одной из таких концепций — Апостолис Папакостас. Он пишет о недостаточном внимании со стороны современных социологических исследований к роли государства в организации публичной сферы [18, с. 191]. Кроме того, Папакостас утверждает, что не стоит искать причины состояния публичной сферы в социально-культурных факторах: реформировать публичную сферу можно независимо от ее истории и контекста развития.

В своей книге «Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция» Папакостас рассматривает институциональные механизмы, направленные на увеличение доверия [18, с. 191]. Если сильно обобщить предложенные Папакостасом идеи, то можно сформулировать принципы, присущие данным механизмам, следующим образом: строго регламентированная процедурность, радикальная прозрачность деятельности институтов, институционализированные практики скептицизма. В данной

работе нет цели проводить подробный анализ теории Папакостаса. Достаточно отметить тот факт, что его методы реформирования публичной сферы приводят к тому, что она теряет свое существенное свойство — независимость от государства.

Еще один взгляд на природу публичной сферы предложили Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцельв книге «Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития». По мнению социологов, движущей силой модернизации публичной сферы является социально-экономическое развитие, стабильность которого приводит к повышению роли личной независимости, усилению ценностей самовыражения и увеличению свободы выбора. Усиление акцента на ценностях самовыражения приводит «к нарастанию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и «отзывчивости» властей, способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора, — одним словом, демократии» [19, с. 12]. При этом усиление акцента на самовыражении и активизация гражданских инициатив — не следствие наличия демократии или «правильной» конституции государства: именно определенные культурные ценности приводят к демократии, а не наоборот [19, с. 22].

Если исходить из позиций Инглхарта и Вельцеля, получается, что концепция Папакостаса о возможностях реформирования публичной сферы с помощью различных институциональных механизмов неверна. Отчасти неверна и модель «противоинститутов» Хабермаса, так как для крепкой публичной сферы не нужна «организация» этического дискурса — публичная сфера крепнет сама собой в условиях стабильного социально-экономического роста. И здесь возникает вопрос о том, как же обеспечить стабильный социально-экономический рост? Похоже, что для его обеспечения нужны не только социально ориентированные государственные политики, но и другие трудновыполнимые условия.

Выводы. Концепция Юргена Хабермаса является более сложной, чем может показаться на первый взгляд. Многие вопросы и критические замечания возникли в связи с ее поверхностным изучением или вытекают из-за некорректного перевода ключевого термина «публичная сфера».

Тем не менее, следует отметить некоторую идеалистичность этики дискурса, а также проблемы реализации проекта на практике. Так, не ясно, как мотивировать людей на участие в дискурсе и как обеспечить моральность

участвующих без внешней модерации коммуникативных действий. Публичная сфера Хабермаса выступает неким «противоинститутом» в том смысле, что противопоставляется государственным и иным социальным институтам. Но настроения и мнения в этическом дискурсе не всегда будут отвечать их интересам. Поэтому есть сомнение в том, что существующие институты позволяют публичной сфере достаточно окрепнуть.

Концепция Папакостаса не представляется достойной альтернативой, так как в ней публичная сфера теряет свое важное свойство — независимость от государства — и рискует потерять свою важную функцию — легитимацию государственной власти и ее решений. В то время как концепция Инглхарта и Вельцеля способна дополнить концепцию Хабермаса, устраняя вопросы о мотивации участия людей в этическом дискурсе и показывая, как в обществе формируются и утверждаются демократические ценности. Хотя вопрос о предпосылках формирования активной гражданской позиции и демократических ценностей остается открытым: как обеспечить стабильное социально-экономическое развитие?

Хотя концепция Хабермаса представляется труднореализуемой на практике, ее достоинство состоит в том, что она правдоподобно отражает современную социально-политическую реальность и предлагает достойный маяк, в сторону которого можно стремиться.

Решение проблемы о повторном открытии публичной сферы усугубляется тем, что оно должно показать, как в современном обществе возможно, что «публика, медиатизированная организациями, запускает сквозь них критический процесс публичной коммуникации» [2, с. 29].

Не только Хабермас заметил негативное влияние рыночной системы на моральное состояние современного человека. Эрих Фромм в работе «Иметь или быть» описывает сложившуюся ситуацию более эмоционально: «Поскольку люди с рыночным характером не испытывают привязанности ни к себе, ни к другим, им абсолютно все безразлично, но не потому, что они так эгоистичны, а потому, что их отношение к себе и к другим столь непрочно. Этим, возможно, также объясняется, почему их не беспокоит опасность ядерной или экологической катастрофы, несмотря даже на то, что им известны все данные, свидетельствующие о такой угрозе» [20, с. 269].

Такие термины как «медиатизированная публика» и «люди с рыночным характером» могут привести к представлению, что именно несовершенная природа, «испорченность» человека привела его к моральной эрозии, отсутствию солидарности и пассивности. Однако сам Фромм двумя страницами

позже замечает, что «термин «рыночный характер» отнюдь не является единственным термином, описывающим этот тип личности. Для характеристики его можно было бы также воспользоваться термином Маркса «отчужденный характер»; люди с таким характером отчуждены от своего труда, от самих себя, от других людей и от природы» [20, с. 371].

Итак, становится ясно, что действующая публичная сфера нужна по многим причинам, главной из которых является необходимость выработки общих ценностных ориентиров для решения социально значимых проблем и для определения направления в дальнейшем развитии общества. Однако остается открытым вопрос о том, как обеспечить реализацию этического дискурса на практике. Ответить на этот вопрос можно двумя различными способами.

С одной стороны, можно создать человеку условия для развития в нем качеств активного гражданина. Грубо говоря, чтобы обеспечить мотивацию людей на участие в этическом дискурсе, повысить уровень их нравственности и уменьшить степень «медиатизированности» (Хабермас), придать социальным институтам большую прозрачность функционирования (Папакостас), усилить ценности самовыражения (Инглхарт и Вельцель) и т. д., необходимо произвести базовые реформы, направленные на удовлетворение минимальных физиологических и социальных потребностей людей, на развитие самосознания и критического мышления посредством качественного образования, на уменьшение рабочего времени и т. д. Хотя, к сожалению, претворение таких проектов в реальность на данный момент кажется не менее идеалистичным, чем сама концепция Хабермаса.

С другой стороны, можно создать условия для реабилитации публичной сферы на институциональном уровне. Такое решение по духу ближе идеям Папакостаса и подразумевает непосредственное участие государства, однако оно также имеет право на существование. Во-первых, необходимо не только законодательно закрепить, но и обеспечить реальную реализацию таких важных гражданских прав, как свобода слова, свобода организации ассоциаций, свобода собраний и т. п. Во-вторых, необходимы определенные реформы в информационной сфере. Так, информационная прозрачность государственных и иных социальных институтов позволит гражданам более объективно оценивать социальную реальность и давать более адекватную оценку разворачивающимся социальным процессам. Здесь также нельзя обойти стороной вопрос о пресечении гипнотического влияния СМИ: деятельность масс-медиа нужно одновременно ограничить и освободить. Под ограничением подразумевается более жесткий контроль СМИ на предмет ложной или вводящей

в заблуждение информации. Под освобождением имеется в виду реализация права на свободу слова. В-третьих, следует ослабить вертикальные и усилить горизонтальные связи во властной структуре. Под усилением горизонтальных связей имеется в виду обеспечение условий для контактов социальных групп и организаций на всех уровнях социальной сферы. Это может быть сотрудничество коммерческих организаций из различных регионов, кооперация образовательных учреждений для реализации научных и учебных проектов, создание сети контактов между религиозными объединениями, организация ассоциаций из представителей различных регионов для решения масштабных социальных проблем и мн. др.

При этом можно синхронно осуществлять социальные преобразования, представленные в обоих указанных направлениях. Нельзя утверждать, что никакие из мер, представленных выше, не реализуются на практике сегодня. Однако очевидно и другое: нам еще есть куда стремиться.

Конечно, следует признать, что указанные меры по реабилитации публичной сферы обрисованы здесь довольно абстрактно. Для подробной их разработки потребовалась бы более объемная работа. Однако выбранное направление действий в целом представляется верным.

Список литературы / References

- [1] Чугров С.С. Формирование и эволюция публичности // Социологические исследования. М.: Наука, 2017. № 12: 168–172.
Chugrov, S.S. Formation and evolution of publicity, in *Sociological research*, Nauka, Moscow, 2017, no. 12: 168–172. (In Russ)
- [2] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2017. 344 с.
Habermas, J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*, Moscow, 2017. (In Russ)
- [3] Марков Б.В. Мораль и разум: послесловие // Хабермаса Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
Markov, B.V. Moral and mind: Afterword, in Habermas, J. *Moral consciousness and communicative action*, Nauka, St. Petersburg, 2001. (In Russ)]
- [4] Перов В.Ю. Этика дискурса и коммуникативные практики // Коммуникация и образование. Сборник статей / под ред. С. И. Дудника. СПб.: С.-Петербург. ФО, 2004. С.404–417. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/perov-vyu/etika-diskursa-i-kommunikativnye-praktiki> (30.09.2018).
Perov, V.J. Ethics of discourse and communicative practices, in *Communication and education*. St. Petersburg, 2004: 404–417, URL: <http://anthropology.ru/ru/text/perov-vyu/etika-diskursa-i-kommunikativnye-praktiki> (30.09.2018) (In Russ)]

- [5] Черепанова Т.В. «Неспособность к разговору», или статус публичной сферы в информационном обществе: Х. Арендт, Ю. Хабермас // Известия Уральского Государственного Университета. Серия 3: Общественные науки. Екатеринбург, 2011. Т. 91. № 2: 41–49.
Cherepanova, T.V. «The incapacity for conversation», or the status of the public sphere in the information society: H. Arendt, J. Habermas, in *News of the Ural State University. Series 3: Social Sciences*. Ekaterinburg, 2011, Vol. 91, no. 2: 41–49. (In Russ)
- [6] Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
Markov, B.V. *Signs and people: the anthropology of interpersonal communication*, Nauka, St.Petersburg, 2011. (In Russ)
- [7] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
Habermas, J. *Moral consciousness and communicative action*, Nauka, St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
- [8] Хабермас Ю. О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Academia, 1995. 245 с.
Habermas, J. On the pragmatic, ethical and moral use of practical reason, in *Democracy. Reason. Moral. Moscow lectures and interviews*, Academia, Moscow, 1995. (In Russ)
- [9] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
Habermas, J. *The inclusion of the Other*, Nauka, St. Petersburg, 2001. (In Russ)
- [10] Юдин Г.Б. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества // Философия. Журнал Высшей Школы Экономики. 2016. Т. 1. № 1: 123–133.
Judin, G.B. Book review: Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society, in *Philosophy. Journal of Higher School of Economics*, 2016, Vol. 1, no. 1: 123–133. (In Russ)
- [11] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Y. *Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*, Moscow, 2006. (In Russ)
- [12] Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: МОДЭК, 1995. 640 с.
Bleyher, V.M., Crook, I.V. *The explanatory dictionary of psychiatric terms*, Voronezh, 1995. (In Russ)
- [13] Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
Joas, H. *The Genesis of Values*, St. Petersburg, 2013. (In Russ)
- [14] Мотрошилова Н.В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова М.: Academia, 1995. 245 с.

- Motroshilova, N.V. On the lectures of J. Habermas in Moscow and on the basic concepts of his concept, in Habermas, J. *Democracy. Reason. Moral. Moscow lectures and interviews*, Academia, Moscow, 1995. (In Russ)
- [15] Производительная сила коммуникации. Юрген Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Academia, 1995. 245 с.
The productive power of communication. Jurgen Habermas answers the questions of Hans-Peter Kruger, in Habermas, J. *Democracy. Reason. Moral. Moscow lectures and interviews*, Academia, Moscow, 1995. (In Russ)
- [16] Товмасыан Н.Т. Публичная сфера: контуры теоретического образа // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2017. № 3(33): 53–64.
Tovmasyan, N.T. Public sphere: the contours of the theoretical image, in *Ideas and Ideals*, Novosibirsk Technical University, 2017, no. 3(33): 53–64. (In Russ)
- [17] Хабермас Ю. Наследие французской революции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Academia, 1995. 245 с.
Habermas, J. The Legacy of the French Revolution, in Habermas, J. *Democracy. Reason. Moral. Moscow lectures and interviews*, Academia, Moscow, 1995. (In Russ)]
- [18] Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
Papakostas, A. *Civilizing the public sphere: Distrust, trust and corruption*. Moscow, 2016. (In Russ)
- [19] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
Inglehart, R., Welzel, K. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*, Moscow, 2011. (In Russ)
- [20] Фромм Э. Иметь или быть // Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. 448 с.
Fromm, E. *To have or to be?*, Moscow, 2000. (In Russ)

Об авторах / About authors

Вадим Юрьевич Перов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет, vadimperov@gmail.com

Vadim Y. Perov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Ethics, St. Petersburg State University, vadimperov@gmail.com

Виктория Михайловна Михайлова — аспирант кафедры этики, Санкт-Петербургский государственный университет, victoria.mikhailova.work@gmail.com

Victoria M. Mikhailova — Graduate student, Department of Ethics, St. Petersburg state University, victoria.mikhailova.work@gmail.com